ПЕСНИ ДЛЯ ВСЕХ

Песни Раймонда Паулса, народного артиста Латвийской ССР, лауреата Государственной премии Латвии, лауреата премии Латвийского комсомола, часто звучат по радио. Недавно мы вновь услышали их на Всесоюзном телевизионном конкурсе молодых исполнителей «С песней по жизни», в котором приняли участие певцы из республики Прибалтики. Участвовал в телепрограмме и сам композитор. Меня поразило в тот вечер один интересный факт: оказывается,

многие популярные исполнители руководимого Паулсом ансамбля «Модо» пришли в коллектив из самодеятельности.

Было бы интересно прочитать в газете о том, как Паулс «находит» свои песни и «своих» исполнителей.

Н. ПЕТРОВА,

участница художественной самодеятельности объединения «Морской завод им. С. Орджоникидзе».

Сегодня мы публикуем беседу журналиста Аркадия Петрова с композитором Раймондом Паулсом.

Корреспондент. Думается, что вокруг термина «шлягер» у нас порядочно напутано. В целом слово это приобрело негативное значение. Многие считают, что шлягер — это что-то примитивное, пошлое...

Р. Паулс. Я совершенно с этим не согласен. Почему шлягер — это обязательно плохо? Я, например, был в прошлом году на эстрадном конкурсе в ГДР, и назывался он «Шлягер-фестиваль». Вообще, само слово это происходит от немецких «шлаген» — бить, «шлаг» — удар. То есть шлягер — это попросту «ударный номер», песня, получившая особенно широкую популярность.

Корреспондент. Но ведь каждый композитор, работающий в области эстрады, наверное, и стремится написать такую песню, которая понравилась бы миллионам слушателей, стала такой вот особенно популярной. Вы не знаете рецепта, как пишутся такие мелодии?

Р. Паулс. Увы, таких рецептов не существует. Ни один композитор не знает заранее, удастся ли песня, будут ли ее петь. И, если такая песня получается, композитор, конечно, счастлив.

Правда, некоторые композиторы стремятся «угадать» этот будущий шлягер, стремятся написать такую песню, которая легко бы запомнилась, была несложной по форме, избегала бы трудных мелодических оборотов, скачков в мелодии, сложных ритмов, тональных сдвигов. Таких безликих песен, увы, более чем достаточно, и именно из-за них существуют нарекания на жанр.

Со своей стороны скажу, что хотя броскость, запоминаемость суть важные атрибуты шлягера, очень многие из популярных мелодий имеют достаточно сложные структуры. Из недавних примеров — успех пластинки Тухманова «По волне моей памяти». Почти все эти песни трудны и по образу, и по ритмам, и по интонационным оборотам, но все эти трудности не помешали огромной популярности диска.

Мой вывод: угадать шлягер, подделаться под него нельзя. Эстрадная песня — творчество. Каждый раз здесь надо совершить какое-то открытие.

Корреспондент. А как вы работали над песней, которая уже стала популярной, — над «Последним листом»?

Р. Паулс. Откровенно говоря, не могу сейчас даже точно припомнить. Обычно я сочиняю, сидя дома у рояля, набрасываю контуры какой-то мелодии в специальную тетрадь, потом все это откладываю и стараюсь забыть. Это еще не песни от начала до конца, а лишь ее идея. Через месяц опять «вспоминаю» и на этот раз пытаюсь воспринять ее как слушатель. Если мне самому нравится, то начинаю работать всерьез. Вот так, приблизительно, было и с песней «Последний лист».

Помню, что когда впервые принес эту вещь в «Модо», то на лицах музыкантов появились ехидные улыбки (это в музыкальном мире умеют делать превосходно). Потом что-то стало выходить, и все же я был очень удивлен, что на концертах у нее такой успех... Наконец, был сделан русский перевод, и песня понеслась по эстрадам страны.

Корреспондент. А сейчас — о музыкальных путешествиях в прошлое. Я имею в виду модный сейчас стиль «ретро», основанный на воскрешении забытых эстрадных стилей начала века, 20—30 годов. Откуда это тягстение к музыкальным вкусам эпохи наших бабушек и дедушек?

Р. Паулс. Мне кажется, в этом есть какая-то неосознанная реакция на чрезмерный техницизм эстрады, обилие электроники. И вот начинают звучать ритмы танго, диксиленда, старого свинга, воскрешают доджазовый архаический регтайм, выпускают переиздания пластинок 20—40 годов с записями раннего Утесова, Цфасмана, Минха, Кнушевицкого, Варламова...

Все это, быть может, звучит наивно, но в этой музыке есть что-то такое, чего нет в музыке сегодняшней: особого рода раскованность, лиризм, человечность...

Я тоже часто обращаюсь к разным ретроспекциям. Например, на пластинке, которая вскоре появится в продаже, несколько вещей тоже будут звучать в духе тридцатых годов. Но, конечно, я так писал специально...

Корреспондент. Я заметил, что в Прибалтике, в частности в Латвии, нет резкой, непреходимой грани между профессионалами и самодеятельными артистами. Между этими двумя сферами происходит постоянный обмен людьми и идеями. Причем вовсе не всегда любители становятся профессионалами, бывает и наоборот — профессиональные артисты переходят в самодеятельные коллективы. Это — сообщающиеся сосуды...

Р. Паулс. Да как же может быть иначе? Музыканты-любители — это наш естественный резерв, тем более что в Латвии нет пока еще эстрадных факультетов в музыкальных училищах. И я все время ищу пополнения именно в самодеятельности. Я недаром сижу без конца во всяких жюри — каждого интересного певца или музыканта беру на заметку. И даже если нет никакого жюри, а просто мне говорят: «Раймонд, в таком-то городке или в таком-то сельском клубе смотри, на каком вы выступаете хороший самодеятельный музыкант», — я бросаю все дела и еду его слушать.

Корреспондент. А сейчас такой вопрос: как вы относитесь к дискотекам?

Р. Паулс. Я за любую форму, связанную со слушанием музыки. А во многих дискотеках — слушают новые записи, анализируют их, интересно подают. Я бы в свободное время с удовольствием ходил в дискотеки и знакомился там с новинками эстрады. Мне это нужно. Ведь смешно получается: моя дочь, которой 16 лет, знает современную эстраду лучше меня, и я часто навожу справки по части популярности того или иного ансамбля или певца именно у нее.

Но должен, к сожалению, заметить, что интересных дискотечных программ очень недостаточно. Дискотека — это трудное дело, это своего рода театр звукозаписи, и заниматься ею по плечу далеко не каждому. Нет аппаратуры, нет пластинок, нет умения построить программу. Вот и получается, что дискотека, борясь с обычной танцплощадкой, часто становится на нее похожей...

Корреспондент. Какой должна быть, по вашему мнению, советская дискомузыка?

Р. Паулс. Ответ тут один: форма должна быть самой модной, новейшей, а содержание, интонационный слой — все это должно быть связано со всей многолетней традицией советской песни от Дунаевского до Пахмутовой и Фрадкина!

Со своей стороны скажу лишь, что до нового года наш ансамбль обязательно запишет пластинку типа «Модо» в ритмах «диско».